Публикация: Илья Назаров. Дар Пасхи // Купол. – 2012. – № 3(11). – С. 6–7.

Христос Воскресе! Эти радостные слова всегда проникают в сердце в унисон обновлению природы, когда контрастный, насыщенный капиллярами голых веток пейзаж стремительно обволакивается зеленью, вспыхивая то тут, то там белыми соцветьями. И ты стоишь посреди воспрянувшего от зимнего обморока мироздания и не можешь оторвать глаз, не можешь надышаться прелым запахом земли, только что пробужденной апрельскими ливнями…

Но в Воскресении Христа, в Его Пасхе есть что-то несовпадающее с этим вселенским праздником пробуждения, нечто, радикально его превосходящее, ощутимое только в Церкви, входя в Которую, человек становится частью Тела Христова, включаясь через Таинства в круговорот Его духоносной Крови. И чем подлиннее его жизнь во Христе, тем рельефнее ощущает он этот избыток, несопоставимый ни с какой земной радостью… Это «нечто» – та окончательность победы жизни над смертью, та сверхъестественная нетленность, непоколебимость, неуязвимость жизни, отныне утвержденной Христом в качестве нормы, во исполнение заповеди пославшего Его в мир Отца: «И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 22, 50).

Итак, в Пасхе смерть поглощена вечной жизнью. Мировой хаос, смертельный разлад,

посеянный по наущению диавола ветхим Адамом, принятый на себя воплотившимся Богом и пригвоздивший Его ко Кресту, навсегда побежден Его смиренной Жертвой. Будучи болезнью нашего естества, он исцелен Его ранами, как сказано в акафисте Иисусу Сладчайшему: «отнюдуже ранами Твоими мы исцелевше, пети навыкохом: Аллилуйа».

«Воистину Воскресе!» – привычно отвечаем мы на пасхальное приветствие, часто не задумываясь, а что следует для нас из факта Воскресения Христова? Игровая и ни во что не проникающая глубоко культура постмодерна породила особый, ранее невиданный тип людей, способных ответить на обращенную к ним проповедь вопросом: «Ну, есть Бог, ну и что?» Воскресение Христа, Который, будучи истинным Богом, самодостаточным и всеблаженным, воплотился, распялся и воскрес за нас и для нас, лишает нас возможности занять такую позицию – оно упирается в каждого острием выбора, цена которого – обретение жизни вечной или потеря ее.

Наше «Воистину Воскресе!» влечет за собою переоценку отношения и к смерти, и к жизни. Только принявший Пасху человек начинает понимать, что мы все унижены смертью, по меткому выражению отца Андрея Кураева, до статуса «покойников на каникулах» и ведем себя соответственно этому «статусу» как конкурентные, завистливые, эгоистично безлюбые существа, подстегиваемые страхом исчезновения. Мы становимся карикатурой на образ Божий, которым почтил нас Творец.

Но что требуется от нас, чтобы наследовать Победу Христа над нашей смертью, чтобы по возможности полнее влиться в этот впадающий в вечную жизнь поток, ключ которого забил здесь, на земле, из отверстого гроба Спасителя? Евангелие от Луки повествует, как на вопрос законника: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», Христос предлагает ему повторить требования ветхозаветного закона. «Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем Твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить» (Лк. 10, 25-28). В Евангелии от Иоанна Сам Христос дает четкий критерий, по которому он будет оценивать меру нашей встречной любви к Нему: «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди» (Ин. 14, 15). Но заповеди Спасителя, по сути разворачивая в целую «жизненную программу» две первозаповеди о любви к Богу и ближнему, неизмеримо превышают требования ветхозаветного Декалога, чего не скрывает и Сам Христос, сказавший: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5, 26). «Не гневайся», «не суди», «не вожделей» и в особенности «просящему у тебя дай» и «любите врагов ваших», в сочетании с категорическим требованием всепрощения, суживают наше жизненное пространство до Креста. Как выполнить заповедь «просящему у тебя дай» и самому

через час не стать с протянутой рукою? Как научиться, вопреки инстинкту самосохранения, любить врагов, неприязнь которых метит прямо в тебя, лишает благополучия, рушит все многозвенные жизненные «балансы», выстроенные с таким трудом? Как не осудить, не ответить упреждающим ударом? Но ведь Господь призывает подставить другую щеку, а это означает дать обидчику сесть на голову… И при этом надо простить, как Он простил нас грешников, а, стало быть, Своих врагов на Кресте, на Котором отдал за нас всю Свою жизнь до капли. И Господь не скрывает, что единственным входом в Новый Иерусалим является Крест: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9, 23).

Один из духовных тупиков, в который попадает (хорошо, если не на всю жизнь!) почти каждый неофит, – это попытка «раствориться» в мощной инерции традиционных ритуально-обрядовых действий и «просто жить в церковном круге. Жить от Пасхи до Пасхи, от поста до поста, от Причастия до Причастия, от исповеди до исповеди, от одного доброго дела до другого», [1] при этом, не идя за Христом, не приближаясь к Нему. Наложение критерия исполнения заповедей Христовой Любви мгновенно взламывает сердечную наледь нашей мнимой «праведности», сформировавшуюся от подсчета земных поклонов и съеденных постных супов. «Господи, так кто же может спастись?» – вопрошаем мы в сердце, как некогда апостолы, уже имея ответ: «человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», – эти слова Иоанна Предтечи обращены ко всем, кто, примерив на себя заповеди спасения, ощутил себя банкротом, который не может заплатить Царю долг. Но долг прощен, искуплен на Кресте – от нас требуется смиренно признать его огромность и, как говорит о. Алексий Уминский,
[2]
воспринять прощение, как бремя, понимая, что цена его – раны Спасителя, Его Тело, «за ны ломимое во оставление грехов». Покаянием целуя раны Христа, мы обязуемся и дальше, по цепочке человеческих взаимоотношений, проводить Его Любовь, превозмогающую логику конкурентной борьбы, отчуждения и насилия над ближним – безлюбую логику хозяина державы смерти. И как только мы решимся пусть на малую подвижку в этом направлении, хотя бы на первый шаг прощения какой-то серьезной обиды – мы с удивлением почувствуем, что иго Христа одновременно тяжело и легко, а легко оно потому, что Пасха Христова – с нами:

«Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем. Рцем: братие! и ненавидящим нас простим вся воскресением, и тако возопим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» (Стихира Пасхи).

Илья Назаров,

к.э.н., доцент КНУ имени Тараса Шевченко,

пономарь храма Рождества Пресвятой Богородицы

[1] Алексий Уминский, прот. О книге С. Кьеркегора // Альфа и Омега. – М., 20011. – № 2 (61). – С. 202.

[2] Там же. – С. 203.